

Крайник Л. В., Рассоха М. Н.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ НЕПРЯМОЙ КОММУНИКАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ UNDERSTATEMENT В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ)

Крайник Л. В., Рассоха М. Н.

L. V. Krainik, M. N. Rassokha

**ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ НЕПРЯМОЙ КОММУНИКАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ UNDERSTATEMENT В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ)**

**LINGUISTIC-CULTURAL ASPECTS OF INDIRECT COMMUNICATION
(UNDERSTATEMENTS IN THE ENGLISH LANGUAGE)**

Крайник Лариса Владимировна – старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (Россия, Владивосток). E-mail: Kraynik@mail.primorye.ru.

Ms. Larissa V. Krainik – Senior Lecturer, Department of Linguistics and Cross-cultural Communication, the School of Regional and International Studies, the Far Eastern Federal University (Russia, Vladivostok). E-mail: Kraynik@mail.primorye.ru

Рассоха Марина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (Россия, Владивосток). E-mail: mrassokha@gmail.com.

Ms. Marina N. Rassokha – PhD in Philology, Associate Professor, Professor at the Department of Linguistics and Cross-cultural Communication, the School of Regional and International Studies, the Far Eastern Federal University (Russia, Vladivostok). E-mail: mrassokha@gmail.com

Аннотация. В статье идет речь о непрямой коммуникации и одном из способов ее маркирования в британской лингвокультуре. Авторы анализируют лингвоспецифичный знак дискурса *understatement*, выявляют его семантико-функциональные особенности, в частности метадискурсивные, и исследуют его лингвокультурные характеристики.

Summary. This paper focuses on indirect communication and the way it is marked in British linguoculture. The authors analyse the linguospecific discourse marker *understatement*, identify its semantic and functional peculiarities, metadiscursive ones in particular, and explore its linguocultural characteristics.

Ключевые слова: британская лингвокультура, непрямая коммуникация, дискурсивная стратегия, лингвоспецифичный знак дискурса, метадискурсивный маркер.

Key words: British linguoculture, understatement, indirect communication, discursive strategy, linguospecific discourse marker, metadiscursive marker.

УДК 81.2

Непрямая коммуникация – семантически нечеткое, завуалированное выражение смысла высказывания – в большей или меньшей степени присуща любой лингвокультуре. Все человеческие языки вырабатывают набор средств для обслуживания такого рода коммуникации. В этой связи напомним известное высказывание Л. Витгенштейна о том, что язык используется для того, чтобы скрывать и маскировать мысли.

Рассматривая языковые и культурные особенности феномена непрямой коммуникации, необходимо учитывать ряд параметров, а именно: наличие корпуса единиц (слов, выражений, синтаксических структур), имеющих в данном языке для осуществления такого вида общения, их рекуррентность в дискурсе, сценарно-прагматическую и культурную специ-

фику ситуаций, в которых говорящие прибегают к непрямой коммуникации. На наш взгляд, существенным также является наличие в языках вербальных знаков, обозначающих феномен непрямой коммуникации в целом, а также специализированных номинаций, маркирующих отдельные культурно-детерминированные аспекты этого языкового явления.

Существуют культуры, для которых непрямая коммуникация является особенно характерной, к ним относится британская лингвокультура с ее ключевым понятием *understatement*, обозначающим некатегоричность и недосказанность как типовой прием коммуникации. В данной статье мы обратимся к лингвокультурологическому анализу этого феномена и рассмотрим семантико-функциональные особенности лексемы *understatement* в конкретных речевых реализациях британского публицистического и художественного дискурсов (см. прим. 1).

Для речевого поведения британцев непрямая коммуникация в целом является существенной чертой общения, отражающей систему ценностей данного языкового коллектива. Она социально признается обществом, в котором стремление к консенсусу, коммуникативному компромиссу играет особую роль и отражается в виде уникальной «британской» фатики. В британском дискурсе «*understatement*» номинируется определениями *традиционный* (*traditional understatement*) и *характерный* (*characteristic understatement*). Наверное, не будет преувеличением сказать, что этот свойственный англичанам культурный феномен был подмечен и многократно описан известными путешественниками, писателями, мыслителями прошлых лет. *Understatement* как характеристика английского языка упоминается еще в древнеанглийской поэме «Беовульф», в которой «*the voices possess 'understatement'*» [10, xxix]. Ученые, обсуждая переводы исторических текстов на современный английский язык, указывают на необходимость сохранять эту отличительную черту – “*characteristic early English understatement*” – и отражать ее в переводах (см. прим. 2).

В наивной картине мире, отражающей обыденные представления британцев о непрямой коммуникации, этот феномен бытует в качестве речевого поведенческого стереотипа. Он существует в языковом сознании говорящих как в виде автостереотипа, так и гетеростереотипа. В качестве примера первого можно сослаться на выдержку из руководства для беженцев, переселившихся в Британию: «*The Englishman... attaches very great importance to modesty, understatement in speech rather than overstatement... He values good manners far more than he values the evidence of wealth*» [BNC-F] (см. прим. 3). Для иллюстрации гетеростереотипа приведем высказывание венгра Дж. Микеша, эмигрировавшего в Британию и ставшего там известным писателем-юмористом: «*the English have no soul, they only have the understatement*» [18, 24].

Таким образом, для британцев крайне существенным аспектом коммуникации являются некатегоричность и смягчение высказывания – *understatement*, которые направлены на то, чтобы, сдерживая эмоции, избегать резких категоричных выражений, крайне негативных оценок и прямых мнений. Очевидно, что представители других лингвокультур, общаясь с британцами, осознают эти особенности речевого поведения. В подобных случаях дискурсивный акт непрямой коммуникации может маркироваться этнонимом, что свидетельствует о культурно-обусловленном характере такого рода общения. Чрезвычайно показательны следующие примеры из нашего материала: «*'I said you're pretty out of shape. <...> You only ran five metres and you're panting fit for the knacker's yard.'* 'I am nothing of the sort! That's a gross exaggeration.' Then Ronni conceded as her chest continued to heave, 'I may be just a little out of breath.' 'English understatement.' Guido laughed at that...» [BNC-F]; «*A deer jumping out over a hedgerow and straight in front of the car frightened her half to death before she could finish. By good fortune, not to mention cool-headed driving, neither the deer nor the Mercedes came to grief. 'That was a touch close,' she murmured, as the deer crossed the road and leapt over another hedge and disappeared. 'Is that what they call British understatement?'* he asked drolly, as they glided out of countryside» [BNC-F].

В специальной научной литературе *understatement* рассматривается в качестве одной из прагматических стратегий. В рамках теории вежливости правила межличностного общения предписывают смягчать категорические суждения, избегать негативных оценок. Эта стратегия, как и стратегия *overstatement*, также применяется говорящим в соответствии с принципом интереса, который предписывает быть непредсказуемым, а следовательно, интересным собеседником [14, 145-149].

Крайник Л. В., Рассоха М. Н.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ НЕПРЯМОЙ КОММУНИКАЦИИ

(НА ПРИМЕРЕ UNDERSTATEMENT В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ)

В отечественной лингвистике *understatement* изучается в рамках дискурсивно-стратегического подхода и используется для описания речевых стратегий и набора сопутствующих им тактик/приемов/техник. В основном речь идет о стратегиях, направленных на избегание разногласий между коммуникантами и поощрение гармоничного общения. Используются такие термины, как стратегия уклонения от прямого ответа [1], стратегия намека [4], стратегия *understatement* [4; 5], митигативная стратегия [7].

При анализе речевого феномена *understatement* исследователи подчеркивают расхождение семантического и прагматического значений, непрозрачность, неясность соотношения семантики и прагматики [4, 28; 13, 406-407]. Извлечение смыслов, не содержащихся в собственно высказывании, требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата. Такую осложненную коммуникацию В. В. Дементьев назвал «непрямой коммуникацией» (НК) [2, 5]. Этот ученый указывает на ее лингвистический аспект, поскольку в языке существуют единицы разной степени точности/формализованности [2, 22]. Они составляют категорию, которая получила название «лингвистической неопределенности» или *linguistic vagueness, linguistic imprecision, fuzzy categories* [11, 5-13], *indefiniteness* [16]. В отечественной лингвистике появился термин «кажимость» [6], объективирующий модальное значение неуверенности в достоверности содержания высказывания и его контекстуально-прагматической обусловленности.

Причины лингвистической неопределенности многочисленны. Одни из них кроются в природе самого языка, другие вступают в игру только при определенных условиях. В. В. Дементьев указывает на то, что теоретическим основанием существования НК является асимметрия языковой системы, которая определяет такие качества НК, как рассогласование означающего и означаемого и множественность интерпретаций [2, 19]. Кроме того, отмечается, что в каждой национальной речевой культуре существует своеобразный концепт непрямой коммуникации, который выражает преимущественно отрицательную оценку свойств непрямой коммуникации, препятствующих настоящему обмену смыслами [2, 140-142].

Само слово *understatement* как знак дискурса, маркирующий особенности коммуникации на английском языке, мы относим к категории лингвоспецифичных языковых единиц (термин А. Д. Шмелева). Это такие ключевые слова, которые способствуют пониманию культуры, ее уникальных черт, отражая «лингвоспецифичные конфигурации идей» [9, 12]; в данном случае *understatement* отражает комплекс представлений членов британской лингвокультуры об определенных аспектах общения на английском языке. Безусловно, эти представления находят отражение как в самой семантике слова *understatement*, так и в его функционировании в дискурсе.

Рассмотрим сначала семантику языкового знака *understatement*. По данным словарей [15; 17], *understatement* имеет два значения: «a statement that makes something seem less important, serious, big etc than it really is» и «the practice of using an understatement to talk about something» [17, 1564]. Следует отметить, что словарные дефиниции не содержат указания на культурную детерминированность семантики данного слова. Например, специализированный словарь английского языка и культуры ограничивается следующей семантизацией: *understatement* is «a statement which is not strong enough to express the full or true facts or feelings» [12, 1437].

На основе проанализированного материала мы можем выделить следующие семантические характеристики и культурно-специфические значения слова *understatement*. Во-первых, мы отмечаем, что в британской лингвокультуре *understatement* рассматривается как коммуникативное умение, к которому в целом представители данного языкового сообщества относятся положительно. В первую очередь, это коммуникативное умение *организовать дискурс в смысловом плане*, сделав соответствующие акценты. В речевых актах, в которых говорящий, обладая этим умением, его демонстрирует, это нередко отмечается особо. В английском языке данная дискурсивная способность коммуниканта – по материалам нашей выборки – может называться: *capacity for understatement, the skills of understatement*: «As an exercise in the skills of understatement and of giving the wrong impression without actually lying, Charles thought that took some beating [BNC-F]. Пользователь языка, овладевший этим умением, характеризуется как *a master of the understatement*: «The old-fashioned English gentleman, who died in hospital yesterday aged 84, was the master of the understatement» [BNC-P]; «Sir Ranulph Fiennes is a master of stiff-upper-lip understatement» [BNC-P].

Во-вторых, говоря о лингвокультурных параметрах семантики *understatement*, необходимо отметить, что, являясь важным коммуникативным умением, оно относится к статусным характеристикам, которыми особенно должны обладать определенные профессиональные группы – политики, священники, юристы и др. Поэтому в описании представителей указанных профессий нередкими будут следующие характеристики: «Father Peter McGuinness, the parish priest and a man of gentle *understatement*» [BNC-P]; «Today we'll be looking at John Major's first one hundred days in office. We have a Prime Minister with un-Thatcherlike *understatement*, and wily pragmatism and body language of the friendly bank manager next door, or so says an article in today's Guardian» [BNC-P]; «Macmillan, one of the wildest *politicians* of his time, also said, with typical *understatement*, as the Fifties drew to an end: 'We have not done badly. But we have not done quite well enough'» [BNC-P].

В соответствии с двумя планами анализа социального статуса – индикацией и оценкой – статусная *индикация* речи профессиональных групп, отмечает В. И. Карасик, прослеживается, прежде всего, в использовании развернутого речевого кода [3, 282-283]. Для указанных выше профессиональных групп, в отличие от всех других представителей британской лингвокультуры, *understatement* будет составлять один из важнейших компонентов речевого кода и может иметь свои языковые особенности. Таким образом, можно предположить, что британские дискурсы, обслуживающие конкретные виды социальной (в том числе профессиональной) деятельности, могут характеризоваться большей или меньшей *степенью использования непрямой коммуникации*. Действительно, анализ материала публицистического дискурса показывает, что употребление дискурсивного приема смягчения высказывания или недоговаривания ассоциируется в языковом сознании представителей лингвокультуры с использованием некоего *словаря непрямой коммуникации*. Такие словари складываются в конкретных дискурсах, посвященных определенной тематике. Коммуниканты, конструирующие данные дискурсы, и целевая аудитория, для которой они предназначены, таким образом, осознают, что языковые единицы подобных лексиконов должны восприниматься, как носители особой, дополнительной семантики, связанной с актуализацией *understatement*. Проиллюстрируем сказанное: «...that there was categorically no special help and that price rises would 'by the normal route feed through into the retail price index'. By Thursday afternoon this had been, to use a typical Whitehall term of *understatement*, finessed. In other words a new policy had emerged to meet the crisis.» [BNC-P]; «The SACC characterisation of Mr. De Klerk's statement, as 'cynical and spurious', is likely to be regarded as something of an *understatement* in many legal and political circles» [BNC-P].

Теперь остановимся на функционировании самого вербального знака «*understatement*» в британском художественном и публицистическом дискурсах. Следует отметить, что данный языковой знак выступает в роли *метадискурсивного маркера*. Это своего рода *вербальный жест*, указывающий на то, что смысл высказывания должен быть дешифрован в ином, важном для говорящего смысловом ключе: «You felt I was harsh on you?» «Harsh is an *understatement*. I shall never forget the contempt you showered upon me.» [BNC-F]; «January was the 28th consecutive month in which bankruptcy cases involving debts equivalent to £58,400 or more rose above year-ago levels. This is an *understatement*, considering the actual state of the economy» [BNC-P].

Необходимо выделить ряд *композиционных особенностей* «*understatement*» в дискурсе как специфического знака коммуникации для выражения семантики некатегоричности. Анализ контекстов выявил, что «*understatement*» в качестве компонента входит в синтаксически связанные структуры дискурса. Их можно назвать упорядоченными моделями коммуникации, поскольку наличествует закрепленная последовательность воспроизводимых элементов в синтаксических конструкциях и их семантическая взаимообусловленность. К наиболее частотным относятся: This/that/someth is an *understatement*; To say (that)... is an *understatement* и the *understatement* of the year.

Модель This/that/someth is an *understatement* является весьма распространенной и указывает в целом на дискурсивный акт непрямой коммуникации, как правило, без выявления степени недосказанности. Ее основная функция – по-другому семантизировать ключевую для коммуникации лексическую единицу, акцентируя при этом смысл недосказанности: «Brad, I find out, can't greet me himself because he's busy cleaning up the mess Deacon made the night be-

Крайник Л. В., Рассоха М. Н.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ НЕПРЯМОЙ КОММУНИКАЦИИ

(НА ПРИМЕРЕ UNDERSTATEMENT В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ)

fore in his living room. *Mess* is perhaps an *understatement*. The place looks like it was ransacked by an LAPD squadron looking for drugs or a thrash metal band who found them» [BNC-P].

Референция, как видно из приведенного контекста, может быть в виде повтора лексической единицы, а может быть осуществлена с помощью указательных местоимений *this/that* или *it*, в этом случае используется вариант модели *this/that is an understatement*: «I don't know whether I ever meant to call on Ben or not – It's been such a long time – but I was interested to see the boat. *Durance* had said it was big, but that was an *understatement*» [BNC-F].

Особенностью данной модели является то, что при семантизации лексической единицы с ее помощью имеет место дискурсивный прием дальнейшего разворачивания плана содержания, целью которого является смысловое уточнение семантики ключевого в ситуации недосказанности слова. Таким образом, последующий отрезок дискурса в смысловом плане является реализацией того, что не было сказано, благодаря использованию непрямой коммуникации: «She was conscious of being a misfit, and that was a great *understatement*. It was partly her age, of course, she was an old woman by anyone's standards, but her attitude to life too and her clothes, her grey tweed skirt and green *Viyella* blouse and green and grey check cardigan, her stockings and 'court' shoes, the powder on her nose, lipstick on her thin old lips and the perm in her hair» [BNC-F].

Наш материал служит также ярким подтверждением тому, что непрямая коммуникация для представителей британской лингвокультуры является феноменом, имеющим *количественный параметр*, то есть недосказанность может иметь большую или меньшую степень выраженности. Проиллюстрируем это на примере клишированных выражений модели *the understatement of the year* (*decade*, etc.), включающих лексику с семантикой *отрезка времени*. Опираясь на нашу выборку, расположим эти выражения по мере увеличения степени недосказанности, последнее указывает на максимум выражения признака: *the understatement of the decade*; *the understatement of the year*; *the understatement of her life*; *the understatement of the century*; *the understatement of all time*.

Помимо прочего, здесь мы имеем весьма любопытный случай «языкового измерения времени» [8, 76]. Темпоральная лексика в модели *the understatement of the year* (*decade*, etc.) используется для актуализации крайне субъективного времени, которое классифицируется Н. К. Рябцевой как бытовое (житейское, утилитарное, индивидуальное) время [цит. по 8, 81]. Очевидно, что номинации времени в указанной модели используются в переносном значении, при этом применяется простая аналогия: меньший отрезок времени указывает на более низкую степень недоговоренности, больший – на более высокую. В этой связи приведем выводы Н. К. Рябцевой, которая исследовала выражение размера и количества в языках: «Практическое, донаучное сознание пользуется не столько точными цифровыми данными, сколько, в некотором роде, их оценочными аналогами. В обыденном сознании количество опредмечивается, а не исчисляется, оценивается, а не измеряется, и потому окрашивается психологическим отношением к нему [цит. по 8, 66].

Наблюдения показывают, что клишированная модель *the understatement of the year* (*decade*, etc.) унифицирует выражение недосказанности и выступает в коммуникации в качестве готовой к использованию единицы языка. В связи с чем есть основания предполагать, что данное выражение с вариативной финальной частью стало на путь фразеологизации, поскольку выполняется принцип воспроизводимости и семантической связанности.

Помимо идиоматизации, семантика количества может быть выражена еще одним способом – прямым – с помощью прилагательных, обозначающих размеры или величину. В этой функции нам встретились прилагательные *gross*, *major*, *big*, *great*, *massive*, *extraordinary* и др. Делая выбор между прилагательными количества или моделью со связанным значением *the understatement of the year* (*decade*, etc.), говорящий демонстрирует, что он уловил коммуникативную интенцию своего собеседника и вполне может оценить степень проявления недоговоренности. Приведем примеры, отражающие разный уровень экспрессивности реакции коммуниканта: «'So when did you find out he was quite wealthy?' he asked casually. Quite wealthy, *Sarella* registered with an inward smile. That was the *understatement of the century!*» [BNC-F]; «'Silvio was right. You don't enjoy modelling very much.' It was *Caroline's* turn to laugh. 'That's the *understatement of the year.*» [BNC-F]; «So *Belinda* was saying that the market's a trifle depressed at the moment. Actually, that's a *gross understatement*; she's really very worried...» [BNC-F].

Таким образом, по сути, у носителей английского языка существует устойчивая когнитивная связь между знаком непрямого коммуникативного *understatement* и вербальными выражениями с семантикой количества. Выбор языкового знака говорящим может быть в пользу разных типов значения количества: акцент может быть сделан как на семантике упорядоченности (от меньшей степени к большей), так и на семантике неопределенно большого количества вообще. В языковом сознании пользователей языка, следовательно, существует своеобразная шкала, с помощью которой можно выразить конкретную степень недосказанности.

При маркировании ситуаций общения лексемой *understatement* третьей продуктивной синтаксической моделью является конструкция *To say (that)... is an understatement / It would/is an understatement to say....* Мы насчитали 36 случаев ее употребления с глаголом *to say* и по одному с глаголами *to call* и *to talk*. Использование в конструкции глаголов речи (*to say, to call* и *to talk*) позволяет автору прокомментировать ситуацию, выразить свое отношение к ней, дать оценку. Кроме того, конструкция имеет своим референтом тему высказывания. Таким образом, данная конструкция в целом выполняет функцию метадискурсивного маркера. В указанной функции модель *To say (that)... is an understatement* употребляется преимущественно в качестве аксиологической модели, позволяющей шкалировать эмоциональное и психическое состояние человека: «*To say I am a sports-nut would be an understatement. I am an obsessive, addicted, manic observer of all forms of sporting activity. Yet the Winter Olympics left me entirely unmoved and uninterested*» [BNC-P].

Наличие в этой модели эмоционально-окрашенной оценочной (как положительной, так и отрицательной) лексики (*delighted, relieved; disappointed, shattered, absolutely gutted etc.*) задает высказыванию вектор категоричности. Однако структура с инфинитивом в функции подлежащего позволяет, на наш взгляд, снизить категоричность, резкость высказывания. Поскольку в субъектно-предикатном ядре подобных предложений отсутствует такой актант, как агенс, предикцируемый признак отделяется от субъекта, получает отвлеченное и наиболее общее значение. Говорящий как бы снимает с себя ответственность за сказанное. Характерно, что данная конструкция в подавляющем большинстве случаев разворачивается адресантом в последующем комментарии. При этом отношения семантического следования эксплицируются за счет использования различных лексических и синтаксических средств. Это, прежде всего, синонимы эмоционально и оценочно более «заряженные», чем исходные лексемы. Так, *taken aback* становится *stunned* и *speechless, convinced by this argument – overwhelmed by it, shattered – deeply shocked, strict – ruthless* и т.д.: «*To say I was taken aback is somewhat of an understatement. I was stunned and speechless*» [BNC-P].

При употреблении «равнозаряженных» синонимов (например, *peaceful* и *quiet*) градуирование эмоциональности дискурса может происходить с помощью таких синтаксических средств, как союзы. В следующем примере союз *so ... as*, имеющий семантику результирования, в сочетании с антонимом *unsettling* также является приемом оценивания: «*To say that it is peaceful is an understatement; it is so quiet as to be almost unsettling for anyone used to the never-ending noise of the city*» [BNC-P].

Выше мы уже упоминали о том, что в британской культуре принято избегать открытого выражения эмоций. Модель *To say (that)... is an understatement*, как нам представляется, как раз является таким способом репрезентации эмоций, который реализует это требование английской культуры. Использование данной модели позволяет адресанту, с одной стороны, передать свое эмоциональное состояние и отношение к ситуации, и сохранить лицо, соблюсти баланс с другой стороны. Действительно, говорящий сначала вводит в речь менее экспрессивный эмотив, не передающий силу реального переживания. Выполнив конвенции культуры, он может далее эксплицировать состояние своего эмоционального настроя с помощью более экспрессивного слова или отказаться от означивания своих настоящих чувств, предоставив собеседнику самому домысливать недосказанное. В этом случае конструкция носит свернутый характер. Возникающая импликатура, как семантическое следование, может быть декодирована адресатом без труда и не нуждается в объяснении: «*Mr. Grierson said: 'They come and ask where the beach is and you have to tell them it's 250 miles away. To say they are disappointed would be an understatement.'* George Murdoch, a 61-year-old retired school teacher, is one of only two villagers still living in Pennan who took part in the film» [BNC-P].

Исходя из того, что данная конструкция с эмотивами достаточно частотна, мы полагаем, что это типичный для британской лингвокультуры способ эмоциональной коммуникации. Для верификации данного предположения необходимо будет провести в дальнейшем сопоставительное исследование, предметом которого может стать культурная обусловленность выражения полноты информации об эмоциональном состоянии говорящего и ее вербальная репрезентация.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть национальный характер проанализированных дискурсивных явлений британской непрямой коммуникации. Тот факт, что эта лингвокультура имеет специальный вербальный знак для некатегоричной смягченной коммуникации – *understatement* – безусловно, указывает на значимость этого явления в системе коммуникации языкового коллектива. На наш взгляд, весьма характерно, что *understatement* является культурно-детерминированным феноменом не только для носителей английского языка, но и для инофонов. Существенно, что он используется в роли метадискурсивного маркера, акцентирующего направленность интерпретации содержания коммуникации в целом. Кроме того, наличие в языке выявленных моделей с компонентом *understatement* в виде синтаксически связанных конструкций свидетельствует о вербальных реализациях особых культурных и социальных конвенций и особом языке этики данного социума. Последнее позволяет сделать вывод о *паттернизации* непрямой коммуникации, что обусловлено уже культурной нормой и составляет коммуникативную специфику британской лингвокультуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головаш, Л. Б. Коммуникативные средства выражения стратегии уклонения от прямого ответа: автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук / Л. Б. Головаш. – Кемерово, 2008. – 24 с.
2. Дементьев, В. В. Непрямая коммуникация / В. В. Дементьев. – М.: Гнозис, 2006. – 376 с.
3. Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – М.: Гнозис, 2002. – 333 с.
4. Кузьменкова, Ю. Б. Материалы курса «Стратегии речевого поведения в англоязычной среде». Лекции 1-4 / Ю. Б. Кузьменкова. – М.: Пед. ун-т «Первое сентября», 2006. – 48 с.
5. Падучева, Е. В. Understatement и смещенное отрицание / Е. В. Падучева // BASEES Conference. – Cambridge, 31 March – 2 April 2007. Режим доступа: http://lexicograf.ru/files/understatement_BASEES_Cambridge.pdf
6. Семенова, Т. И. Модус кажимости как способ репрезентации внутреннего мира человека / Т. И. Семенова // Вестник НГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. Т. 2, вып. 1. – Новосибирск, 2004. – С. 84-89.
7. Тахтарова, С. С. Митигативная тенденция в меняющихся речевых стереотипах / С. С. Тахтарова // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре. – М.: РГГУ, 2009. – С. 482-493.
8. Тхорик, В. И. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация: учеб. пособие / В. И. Тхорик, Н. Ю. Фанян. – 2-е изд. – М.: ГИС, 2006. – 260 с.
9. Шмелев, А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. (Язык. Семиотика. Культура. Малая сер.) / А. Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
10. Ackroyd, P. Albion: The Origins of the English Imagination / P. Ackroyd. – New York: Nan A. Talese Doubleday, 2003. – 524 p.
11. Channell, J. Vague Language / J. Channell. – Oxford University Press, 1994. – 228 p.
12. Dictionary of English Language and Culture. Longman Group UK, Ltd., 1992. – 1528 p.
13. Dunkerley, K. Similarities and Differences in Perceptions and Evaluations of the Communication Styles of American and British Managers / K. Dunkerley, J. Robinson // Journal of Language and Social Psychology. – Vol. 21. – No. 4, December 2002. – P. 393-409.
14. Leech, G. Principles of Pragmatics / G. Leech. – London and New York: Longman, 2002. – 250 p.
15. Longman Dictionary of Contemporary English. Longman Group Limited, 1995. – 1668 p.
16. Lyons, C. Definiteness / C. Lyons. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 380 p.
17. Macmillan English Dictionary. Oxford, Macmillan Publishers Ltd., 2002. – 1692 p.
18. Mikes, G. How to be an Alien / G. Mikes. – Harmondsworth: Penguin books, 1966. – 88 p.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Для анализа художественного и публицистического дискурсов использовался Британский национальный корпус (BNC <http://www.natcorp.ox.ac.uk>), из которого было отобрано 200 контекстов, относящихся к последней четверти XX века. Примеры из художественного дискурса маркируются BNC-F, а примеры из публицистического – BNC-P.
2. Например, обсуждение перевода Толкиена в *The road to Middle-Earth*. Shippey, T. A. London: Allen & Unwin, 1982.
3. Здесь и далее выделение курсивом значимых фрагментов в примерах сделано авторами статьи.